

ВЪ ПЕСКАХЪ КАРА-КУМЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

ВЪ ТУМАННОЙ мглѣ раскаленнаго горизонта еле виднѣется одинокая станція Кара-Кудукъ. Длинной черной лентой растянулся нашъ караванъ. Ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей, крики киргизовъ—оглашаютъ безконечную пустынную равнину. Впрочемъ равниной нельзя назвать мѣстность, въ которую мы теперь вступаемъ. Плоская гладкая степь осталась назади; здѣсь песчаная почва дѣлается все болѣе и болѣе волнистою, а тамъ, впереди, на горизонтѣ, уже виднѣются настоящіе барханы, бѣлѣютъ и сверкаютъ ихъ сыпучія вершины.

Во главѣ каравана ѣдетъ жокакъ киргизъ. На головѣ у него надѣтъ косматый малахай; широкое плоское лицо совсѣмъ спряталось въ густомъ лисьемъ мѣху, которымъ обшиты наушники, и только черные, блестящіе глаза смотрятъ бойко изъ-подъ приподнятыхъ черныхъ бровей. Пестрый, теплый халатъ сидитъ мѣшкомъ на коренастомъ тѣлѣ и стянутъ узкимъ ремнемъ; сбоку прицѣплена кривая сабля.

За киргизомъ слѣдуемъ мы верхами, а тамъ дальше грузно тащатся тарантасы; ихъ влекутъ медленно, шагъ за шагомъ, верблюды. Казаки гарцуютъ въ сторонкѣ и гонять нѣсколько бычковъ, предназначенныхъ поступить въ полное распоряженіе повара, когда появится надобность.

Безотрадная картина разворачивается передъ нами—вездѣ песокъ и сухая выжженная трава. Справа и слѣва поднимаются барханы. Они дѣлаются все больше и больше, попадаются все чаще и чаще. Не успѣли проѣхать и десятка верстъ, а попали въ настоящее песчаное царство. Дорога стала очень тяжелою. Конечно, болѣе всего хлопотъ съ тарантасами. Верблюды, непривычные къ упряжкѣ, то рвутся въ разныя стороны, то останавливаются и, несмотря на нагайки, стоятъ какъ

вкопаны, то вдругъ круто сворачиваютъ въ сторону, летятъ стремглавъ, не слушая криковъ киргизъ, не видя ничего передъ собою. Тарантасъ врѣзался по самымъ оси въ песокъ. Тройка верблюдовъ уперлась въ крутой откосъ бархана; упряжь изорвана, коренной упалъ и переломилъ оглоблю. Недоумѣвая, поглядываютъ пристыженные на своего лежащаго товарища; у одного вырвана веревка, которая была продѣта черезъ поздю, изъ раны каплетъ алая кровь; верблюдъ жалобно реветъ и поворачиваетъ голову во всѣ стороны, точно просить помощи. Толпа конныхъ и пѣшихъ суетится, шумитъ и приводитъ все въ порядокъ. Ёдемъ дальше.

Песчаные бугры точно раздвинулись. Узкая, ровная долина совершенно неожиданно раскинулась передъ нами и ушла въ даль версты на три; тамъ она опять уперлась въ барханы, которые отсюда кажутся громадными темными волнами, застывшими во время сильной бури. Далѣе она представляетъ собою точно дно какого-то высохшаго бассейна. По бокамъ стоятъ густые заросли сухого камыша, кое-гдѣ зеленѣетъ трава. Грунтъ земли глинистый, твердый. Колеса тарантасовъ громко застучали; верблюды, обрадованные тѣмъ, что имъ стало легче тащить необыкновенныя для нихъ повозки, пустились въ прыжку, раскачивая длинной шеей. Насилу остановили.

Несмотря на сентябрь, солнце жарить довольно сильно. На небѣ ни облачка; какимъ-то сѣрымъ, пыльнымъ куполомъ прикрыло оно насъ и уперлось въ дрожащую полосу горизонта. Даже вожакъ снялъ свой малахай и потираетъ бритую голову, которая блеститъ какъ вычищенный метадическій шаръ. Здѣсь, въ долину, стало невыносимо душно. Казалось съ удовольствіемъ можно бы было подставить раскраснѣвшееся лицо налетѣвшему вѣтерку, но этотъ „зефиръ“ жжетъ какъ огнемъ, отъ него трескаются губы и сохнеть во рту.

Молча продолжѣемъ путь. Лошади фыркаютъ и машутъ понурыми головами. Какой-то киргизъ, повязанный краснымъ платкомъ по-бабьему, затащилъ заухивную, длинную пѣсню, такую же дику и однообразную, какъ окружающая природа. Смотрѣлъ онъ куда-то вдаль, раскачивался сидя на горбахъ верблюда и не обращалъ ровно никакого вниманія на своихъ товарищей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Ему хотѣлось пѣть, онъ и пѣлъ, импровизировалъ, глядя на однообразную долину, на крутые песчаные берега ея, чувствуя горячій вѣтеръ, и считая себя вѣроятно за самаго счастливаго человѣка въ свѣтѣ.

— Экъ затащилъ, проговорилъ ѣхавшій рядомъ со мною казакъ, — точно шакалъ воетъ. И что ужъ это за народъ такой! порядочной пѣсни спѣть не умѣетъ. Ужъ и впрямь азіаты.

Прошло еще полчаса. Вдругъ изъ-за бархана выглянуло небольшое бѣлое зданіе съ крышей въ видѣ купола.

— Это что такое? спросилъ я у вожака, говорящаго немного по-русски.

— Могила или мазарка по вашему; здѣсь похороненъ очень хо-

рошій человекъ. И семья тоже похоронена вмѣстѣ съ нимъ. Богатый киргизъ былъ, много барановъ и верблюдовъ имѣлъ, въ дальнія страны ѣздилъ, гдѣ живутъ другіе народы, а киргизъ и русскихъ нѣтъ.

— А посмотрѣть мазарку можно?

— Отчего же нельзя? Свернемъ немного въ сторону; если къ ней подѣхать, крюку съ полверсты будетъ не больше.

Караванъ остановился. Послѣзали съ лошадей, начали оправлять сѣдла. Въ нѣкоторыхъ тарантасахъ достали жестяные ящики съ провизіей и принялись на-соро завтракать.

Интересующихся осмотрѣть мазарку набралось нѣсколько человекъ, и мы, не медля ни минуты, пустились рысью къ небольшому возвышенію, на которомъ стояла могила хорошаго человека.

Площадка гдѣ мы остановились, была почти лишена всякой растительности; чохлые, сухіе пучки песчаного камыша вылѣзали изъ трещинъ земли на подобіе верблюжьей шерсти, да тамъ и сямъ торчали мертвые зонтики отцвѣтшихъ еще весною растений; только кизиль-джузгены чувствовали себя очень хорошо въ этой раскаленной почвѣ и весело протягивали во все стороны узловатые, кроваво-красныя вѣтки. Нѣсколько ищерицъ суетливо забѣгали по песку, испуганныя нашимъ появленіемъ; изъ какой-то разсѣлины въ куполѣ вылетѣла небольшая сова и, ныряя въ воздухъ, исчезла за барханомъ.

Мазарка была построена изъ глиняныхъ кирпичей; кое-гдѣ на стѣнахъ и на крышѣ виднѣлись слѣды извести, которою вѣроятно было обмазано все зданіе. Невысокія стѣны украшались возвышеніями въ видѣ колоннъ, разставленныхъ въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Фундаментъ имѣлъ форму круга и весь исчезалъ въ волнахъ песка, который постепенно начиналъ засыпать даже заднюю стѣну постройки.

Узкая и низкая дверь похѣщалась въ среднѣй высокаго фронтона; верхняя его часть носила слѣды множества прямоугольных углубленій расположенныхъ въ рядъ и составляющихъ довольно красивый карнизъ. Всеразрушающее время наложило на все зданіе свою руку:— фальшивыя колонки обвалились, карнизъ началъ сглаживаться, углы фронтона обрушились.

У входа валялось два лошадиныхъ черепа и нѣсколько костей. Надо было согнуться, чтобы войти въ дверь, суживающуюся къ верху. Она вела въ необыкновенно тѣсный и короткій коридорчикъ, изъ котораго уже мы попали въ небольшое круглое помещеніе. Стѣны постепенно переходили въ довольно высокій сводъ и сохранились весьма хорошо; чисто выбѣленные, онѣ все были покрыты весьма оригинальною живописью. Смѣлая рука азіатскаго художника, набросала здѣсь фигуры верблюда, овцы, барана, лошади, а тамъ и копы, кольчуги, топора, лука, стрѣлы, слона, птицы, рыбы и прочее. Верблюды, привязанные одинъ за другимъ, должны были изображать длинный караванъ; овцы во всехъ положеніяхъ и возрастахъ представляли многочисленныя стада; лошади, осѣдланныя и безъ сѣдла, указывали на

большіе табуны, которыми владѣлъ покойникъ. На одной стѣнѣ живописецъ представилъ даже нѣсколько сценъ изъ охоты: скачущій всадникъ нагоняетъ сайгака и пронзаетъ его непомѣрно большимъ конемъ, другой цѣлитъ изъ лука въ громаднаго тигра, третій несетъ на рукѣ сокола съ распущенными крыльями. На третьей стѣнѣ можно было видѣть сраженія, бой на коняхъ, мечехъ и въ рукопашную; тутъ же помѣщались розовые и синіе слоны съ возсѣдающими на нихъ путешественниками. Фигуры разныхъ цвѣтовъ, сгруппированныя описаннымъ выше образомъ, составляли полосы, идущія параллельно карнизамъ и раздѣляли такимъ образомъ стѣны на нѣсколько отдѣленій съ извѣстнымъ характеромъ: кромѣ того, между сценами замѣчалась извилистая линія съ украшеніями въ видѣ звѣздъ, небывалыхъ цвѣтовъ, листьевъ и проч. Такимъ образомъ получались разныя картинки, и просматривая ихъ, можно было читать чуть не всю біографію киргиза и судить о его зажиточности. Посреди мазарки возвышалась длинная и узкая глиняная гробница, крышка которой суживалась кверху на подобіе остраго гребня. По бокамъ ея находились еще нѣсколько подобныхъ же памятниковъ самыхъ разнообразныхъ величинъ:—то были могилы женъ и дѣтей умершаго.

Киргизы, кочуя въ Кара-Кумахъ, привлекаемые сочной травой, растущей между барханами во многихъ мѣстахъ, проводятъ въ нихъ всѣ зимніе мѣсяцы. Съ одной стороны кормъ для скота здѣсь находится въ изобиліи, а съ другой—холода въ пескахъ не такъ чувствительны, какъ въ глинистой степи, охватывающей Кара-Кумъ со всѣхъ сторонъ. Киргизы любятъ окружающую своеобразную природу и многіе изъ зажиточныхъ номадовъ выбираютъ себѣ еще при жизни мѣстечко для будущей могилы. Подъ ихъ наблюденіемъ строятъ мазарки, готовятъ матеріалы для гробницы, разукрашиваютъ стѣны и, послѣ смерти, кладутъ чуть не на поверхности земли, насыпаютъ надъ ними глиняный холмъ и придаютъ ему форму ящика или куполообразнаго возвышенія. По смерти домочадцевъ, ихъ трупы также попадаютъ въ семейную мазарку, если средства родственниковъ позволяютъ тащить ихъ иногда изъ довольно далекихъ мѣстъ. Мертвеца связываютъ и окутываютъ полотномъ, прикрѣпляютъ какъ вьюкъ на верблюдѣ и отправляются къ мазаркѣ. Молчаливо сидятъ киргизы, мѣрно покачивается трупъ, и печальный corteжъ проходитъ иногда нѣсколько сутокъ подъ однообразный звукъ колокольчиковъ, прежде чѣмъ достигнетъ до мѣста похоронъ; уложить мертвеца на свое мѣсто, садутъ опять на высокія сѣдла и черезъ полчаса снова все стихнетъ въ окрестностяхъ мазарки, точно никто не нарушалъ мертвой тишины пустыни.

Такъ случилось съ хорошимъ человѣкомъ, похороненнымъ въ зданіи которое мы осматривали, такъ похоронили и всю его семью. А по рисункамъ, дѣйствительно, можно было видѣть, что онъ и въ Индіи побывалъ и на слонахъ покатался.

Мы долго сидѣли на гробницахъ, срисовали стѣнные изображенія и очень рады были тѣни и прохладѣ. Свѣтъ падалъ черезъ входную узкую дверь, да и въ куполѣ замѣтна была трещина, въ которую виднѣлось синее небо; никакихъ оконъ не существовало.

На гробницахъ, на стѣнахъ и даже на полу было что то написано, на непонятномъ для насъ языкѣ, — вѣроятно потомки похороненныхъ или, вообще благочестивые мусульмане, заброшенные судьбою въ эти мѣста, спѣшили поклониться праху покойника и начертать какой-нибудь краснорѣчивый стихъ изъ корана.

По одиночкѣ, согнувшись, чуть не на колѣняхъ, выбрались мы изъ мазарки. Яркій свѣтъ ударилъ въ глаза и послѣ темноты казался ослѣпительнымъ; жаръ становился невыносимымъ. Мы успѣли на нашихъ коней и догнали караванъ, который ушелъ версты на двѣ впередъ.

Поднимался вѣтеръ, раскаленные песчинки били въ лицо и засыпали глаза. Горизонтъ окончательно ступеался, вершины бархановъ дымились. Пучекъ сухой травы, прыгая пронесся черезъ дорогу...

Съ шумомъ и гамомъ расположился караванъ на ночевку. Три кибитки, убранныя со всею киргизскою роскошью, предоставлены въ полное наше распоряженіе. Тарантасы выстроились въ одну шеренгу. Отпряженные верблюды съ важнымъ видомъ расхаживаютъ между спящимъ народомъ и съ аппетитомъ пережевываютъ свою жвачку.

Немного въ сторонѣ два казака хлопчуть надъ костромъ. Бѣлый, густой дымъ прямымъ столбомъ подымается въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и таетъ высоко-высоко надъ нашими головами; пахнетъ гарью и печенымъ картофелемъ. Недалеко отъ кибитокъ, киргизы принялись копать колодець; вооруженные широкими, круглыми, желѣзными лопатами, насаженными на древко такъ, что составляли съ ручкой прямой уголъ, они быстро и ловко углубляли яму. Съ каждымъ взмахомъ этого оригинальнаго инструмента отдѣлялась большая глыба плотнаго влажнаго песку, которая легко выбрасывалась на берегъ будущаго колодца. Почва становилась все болѣе и болѣе мокрою, наконецъ изъ-подъ ногъ рабочихъ стала просачиваться вода и яма быстро наполнилась ею. Тонкія, едва замѣтныя струйки показались со всѣхъ сторонъ; но вода отзывалась сѣрнистымъ водородомъ и была противнаго затхлаго вкуса. Киргизы вычерпали разъ, другой и оставили ее на пѣкоторое время въ покоѣ. Черезъ четверть часа колодець глубиною не болѣе полутора аршина весь наполнился свѣжою, прѣсною и чистою водою, которая прибывала съ такою быстротою, что даже выступила изъ береговъ.

Описаннымъ способомъ въ любомъ мѣстѣ Кара-Кумовъ кочевники выкапываютъ себѣ кудуки, изъ которыхъ поятъ скотъ. Это удобство происходитъ отъ того, что на небольшомъ разстояніи отъ поверхно-

сти земли находится водоупорный пласть, глубже котораго дождевая вода, просачивающаяся сверху, не можетъ идти. Во время таянія снѣговъ весною, громадное количество влаги пробирается между песчинками и скопляется въ подземные, такъ сказать, резервуары. Стоить только прокопать отъ 1 до 2—3 аршинъ верхній песчаный слой, какъ тотчасъ натыкаешься на воду. Водоупорный пласть состоитъ изъ глины и того же песку, но только болѣе уплотненнаго, превратившагося въ песчаникъ. Онъ окрашенъ въ болѣе темный цвѣтъ отъ присутствія громаднаго количества органическихъ остатковъ, увлекаемыхъ и смываемыхъ съ поверхности водою. Въ Казалинскѣ рассказываютъ, что этотъ песчаникъ можетъ горѣть, что куски его брошенные въ огонь сильно раскаляются и даже будто бы могутъ сами издавать пламя. Въ этихъ разсказахъ есть много правдоподобнаго, но самъ я ничего подобнаго не видѣлъ.

Итакъ страшные пески Кара-Кумы съ названіемъ которыхъ тѣсно связано представленіе о чемъ-то дѣйствительно ужасномъ, въ дѣйствительности не такъ страшны: вода, это главное и необходимое условіе для существованія всего живущаго, вездѣ очень близко.

Вырвыши нѣсколько колодцевъ (кудуки), киргизы, всѣ испачканные грязью и мокрые, растянулись на песокъ и съ наслажденіемъ заложили себѣ за губу тертаго табаку. Расправивши усталые члены, закрывъ глаза, они неподвижно предались отдыху.

Между тѣмъ, кругомъ все идетъ своимъ порядкомъ. Вонъ, изъ одной кибитки, предназначенной для прислуги, понесли въ нашу поднось со стаканами чая. Лакей, изъ современныхъ, проворно бѣгаетъ около тарантасовъ и съ лакейскою развязностью отдаетъ приказанія другимъ, менѣе ловкимъ своимъ помощникамъ. Поварь, въ сѣрой шапкѣ и фартукѣ, стучитъ дорожной посудой. Звонъ чайныхъ ложекъ, стакановъ, рюмокъ пріятно раздражаетъ слухъ. Вдали на гребнѣ бархана, виднѣется статная фигура начальника экспедиціи съ своей неизмѣнной записной книжкой въ рукѣ. Цѣлая толпа кочевниковъ окружаетъ его. Переводчикъ что-то объясняетъ имъ и, для убѣдительности, даже руками показываетъ.

Мѣсто почевки выбрано весьма удачно. Барханы окружаютъ насъ только съ трехъ сторонъ. Съ четвертой виднѣется большой солончакъ. Онъ весь покрытъ толстымъ бѣлымъ слоемъ соли, точно снѣгомъ. На его поверхности проложено множество пересѣкающихся птичьихъ слѣдовъ, а въ одномъ мѣстѣ у берега легко отличить отпечатки лошадиныхъ копытъ; должно быть кто-то собирался переѣхать прямокомъ, но во-время повернулъ назадъ. Эти солончаки только издали кажутся сухими и твердыми; подъ бѣлымъ налетомъ обыкновенно находится топь, изъ которой никому не удавалось выбраться, если только, вслѣдствіе незнанія или неосторожности, онъ попадалъ въ нее; быстро засасываетъ вязкая грязь несчастнаго всадника, напрасно силится лошадь выкарабкаться на берегъ, все дальше отбивается она отъ твер-

дой почвы и все глубже погружается въ холодную, полужидкую массу. Еще одно движеніе, еще одинъ отчаянный крикъ и все кончилось. Развороченная грязь медленно колеблется, приходитъ въ равновѣсіе. Черезъ пять минутъ на этомъ мѣстѣ точно ничего не происходило.

Берега предательской топи покрыты мелкими растеніями съ толстыми жирными листиками. Какъ только ударятъ морозы, листики принимаютъ кроваво-красный цвѣтъ. Отъ этого чрезвычайно эффектными кажутся яркіе края бѣлоснѣжныхъ площадей, цвѣта красный и бѣлый необыкновенно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга и производятъ сильное впечатлѣніе.

За солончакомъ, на горизонтѣ виднѣлась синяя полоска дальней возвышенности. Она теперь, при вечернемъ освѣщеніи, отлиываетъ всѣми тѣнами лиловаго цвѣта, отъ самаго темнаго до самаго свѣтлаго. Сумерки быстро наступаютъ. Красное пламя зари уже потухло. Въ воздухѣ разливается темно-сѣрый колоритъ; какая-то мгла окутываетъ всѣ предметы, ступеневываетъ очертанія бархановъ, затягиваетъ все легкой дымкой. Точно свѣчка затеплилась на небѣ первая звѣздочка. Она дрожитъ и мигаетъ. Большая Медвѣдица широко раскинулась надъ головами и обозначается все рѣзче и рѣзче.

Свѣтъ отъ костровъ дѣлается замѣтнѣе. Красный колоритъ ложится на лицахъ, сидящихъ по близости, на лошадяхъ стреноженныхъ и неподвижно стоящихъ въ кучѣ, на ближней кибиткѣ. Говоръ и шумъ начинаютъ утихать—всѣ заняты ѣдой; каждый спѣшитъ поужинать и лечь на мягкій песокъ.

Кто-то тащитъ цѣлую вязанку сухого камыша изъ за бугра; виднѣется какая-то масса, темная, безформенная, на двухъ ногахъ; трава шумитъ и раскачивается во всѣ стороны.

Изъ дальняго тарантаса слышенъ хохотъ и звуки балабайки. Въ нашей кибиткѣ зажгли свѣчи. Въѣ собираются „къ столу“...

Вотъ уже нѣсколько дней идемъ мы Кара-Кумами. Проѣхали ихъ центральную часть; недалеко и Сыръ-Дарья — конецъ нашего странствованія. И странное дѣло; чѣмъ глубже проникаемъ въ эту песчаную пустыню, тѣмъ удобнѣе становится путь. Поверхность бархановъ скрѣплена растительностью, прѣсной воды вездѣ достаемъ въ изобиліи, попадаются довольно часто аулы, стада барановъ. Въ одномъ мѣстѣ, мы даже наткнулись на широкую, плотно утопанную верблюжью тропу, которая есть ничто иное, какъ ближайшій караванный путь, извѣстный только кочевникамъ; онъ обходитъ Казалу и, такимъ образомъ, значительно сокращаетъ дорогу и время перехода.

Небольшія, но густыя заросли тальника, джузгеновъ, джиды, астрагаловъ, дрока и проч. то и дѣло встрѣчаются, пріютившимися въ котловинкахъ между буграми, а камышъ, чій и кіякъ раскидываются по всей поверхности бархановъ, скрѣпляя подвижную почву

своими длинными и крѣпкими корнями. Если-бы оставить эту растительность въ покоѣ, то о сыпучихъ передвижныхъ пескахъ не было-бы и помину; но киргизы съ своими многочисленными стадами портятъ почву и доставляютъ горе себѣ и другимъ. Животное, срывая траву выдергиваетъ весьма часто и самый ея корень; образуется небольшое голое мѣстечко песку; подуетъ вѣтеръ, сухія, ни чѣмъ не скрѣпленныя песчинки разсыпаются во всѣ стороны, покрываютъ сосѣднія растенія, зарываютъ ихъ листья... Представьте себѣ сколько такихъ голыхъ мѣстъ появятся на извѣстномъ пространствѣ, послѣ того какъ цѣлое стадо понасется на немъ въ продолженіи недѣли, двухъ, а иногда и болѣе и какая громадная поверхность песку, способнаго передвинуться, выглянетъ на свѣтъ Божій. Напомню читателю разсказъ Старинга, изъ котораго мы знаемъ, что одна изъ самыхъ высокихъ дюнъ Фрисландіи произошла отъ того, что растущій на скрѣпленномъ пескѣ дубъ былъ вырванъ съ корнемъ; такимъ образомъ обнаружилось небольшое мѣстечко, давшее неизсякаемый матеріалъ цѣлому несчаному потоку, залившему всѣ окрестности.

Кромѣ того, животныя очень легко скусываютъ и обгрызаютъ верхушки и молодые побѣги кустарниковъ. Само собою разумѣется, что это также не служить въ пользу растеній песчаной полосы.

Но болѣе всего вредить дѣлу закрѣпленія песковъ самъ кочевникъ. Онъ не только уничтожаетъ траву своими стадами и разрыхляетъ этимъ почву, но даже вырываетъ корни для топлива.

Упрекъ относится не къ однимъ киргизамъ, но и къ намъ — цивилизаторамъ. Такъ, напримѣръ, въ прежнее время, въ Кара-Кумахъ и прилежащихъ мѣстностяхъ встрѣчались цѣлыя роицы осокори и чрезвычайно своеобразнаго дерева саксаула. Теперь перваго растенія вы совсѣмъ не найдете или, если оно и встрѣтится, то развѣ — два-три экземпляра, сохранившіеся гдѣ-нибудь какимъ-то чудомъ: что-же касается до саксаула, то его можно найти во 1-хъ около какихъ-нибудь священныхъ могилъ и во 2-хъ въ такихъ мѣстахъ куда ужъ очень трудно проникнуть человѣку. Причина послѣдняго исчезанія названныхъ двухъ породъ деревьевъ есть Аральская флотилія, которая употребляетъ ихъ на топку и ежегодно сжигаетъ несмѣтное количество пудовъ. Древесина саксаула превосходно горитъ и потому цѣлые караваны верблюдовъ нагружаются кривыми уродливыми стволами и тинутся въ Казалу и другія стоянки флотиліи.

Такимъ образомъ, мы ясно видѣли, что сама природа какъ-бы старается укрѣпить пески, что эта полоса земли, о которой разсказывали самыя баснословныя вещи, наводящія ужасъ на путешественника, вовсе не такъ страшна по своему безплодію; что въ этой пустынѣ зимуетъ много киргизовъ; что никакихъ передвижныхъ сыпучихъ песковъ, могущихъ засыпать цѣлые караваны, въ ней не существуетъ, и что, наконецъ, умереть отъ жажды тамъ весьма трудно, такъ какъ до прѣсной воды вездѣ можно дорыться. Наконецъ мы ви-

дѣли, что самъ человѣкъ портитъ Кара-Кумы, уничтожая растительность, скрѣпляющую песокъ и заставляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почвенные пески превращаться въ сыпучіе. Запретите киргизамъ пасти свои стада и Аральской флотиліи выворачивать съ корнемъ послѣдніе остатки саксаула—и фizioномія Кара-Кумовъ окончательно сдѣлается неузнаваемою. Но, быть можетъ читателю приходитъ въ голову вопросъ такого рода: на какихъ данныхъ были основаны страшные рассказы о пустынности и непривѣтливости песковъ? гдѣ источникъ этихъ легендъ?

Дѣло объясняется очень просто. Орско-Казалинскій трактъ пролегаетъ по западной окраинѣ Кара-Кумовъ и упирается въ Аральское море. Затѣмъ, слѣдуя берегомъ этого скучнаго, непримечательнаго бассейна, дорога доходитъ до Сыръ-Дарьи, до самаго Казалинска; отсюда уже путь проложенъ правымъ берегомъ Сыра до Ташкента. На всемъ протяженіи, гдѣ вы только проѣзжаете по пескамъ, они по истинѣ ужасны, глубоки и сыпучи. Полное отсутствіе растительности и прѣсной воды не позволяютъ устроить хорошихъ станцій съ исправными лошадьми. Еле выстроится глиняный домикъ и сарай, еле поселится станціонный смотритель—какъ при первыхъ же вѣтрахъ песокъ начинаетъ уже заносить и станцію и конюшни. Отгребаться нѣтъ возможности, укрѣпить пески также. Съ каждой бурей, съ каждымъ порывомъ вѣтра нагоняются песчаные сугробы все выше и выше, они достигаютъ крыши сараевъ, перекашиваются черезъ нихъ и мало-помалу заваливаютъ дворикъ... А тутъ еще наступитъ зима, пойдетъ слякоть и, глиняная станція расплзается, лопается на части. Выходитъ несчастный смотритель изъ своего помѣщенія, ставитъ киргизскую кибитку и помѣщается въ ней, бросая все на волю Божію.

Прѣсной воды, какъ я сказалъ нѣтъ; приходится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посылать за нею на весьма почтенное разстояніе, около 10—12 верстъ, а такъ какъ лошадей мало, то случается не поить ихъ по двое сутокъ. Само собою разумѣется, что несчастныя животныя гибнутъ какъ мухи. Въ послѣднее время начали сдавать станціи на аренду киргизамъ. Имѣя нѣсколько верблюдовъ, этихъ неприспособленныхъ „кораблей пустыни“, новые смотрители ведутъ дѣло нѣсколько лучше и позволяютъ по крайней мѣрѣ хоть медленно, но все таки продолжать свое путешествіе.

Кормъ для лошадей и верблюдовъ доставляетъ также центральная часть Кара-Кумовъ, гдѣ встрѣчаются цѣлые луга свѣжаго камыша, котораго набираютъ по нѣскольку тысячъ пудовъ.

Изъ этого бѣлаго очерка окраинъ Кара-Кумовъ видно, что существуетъ рѣзкая разница въ строеніи почвы внутренней и периферической, такъ сказать, части песковъ; по крайней мѣрѣ западный берегъ этого песчанаго моря въ высшей степени не привѣтливъ.

Разница эта становится понятною, если припомнимъ исторію образованія Кара-Кумовъ. Геологія говоритъ намъ, что было время, когда

Аралъ и Каспій составляли одно море, воды котораго покрывали большую часть Средней Азіи. Вслѣдствіе различныхъ переворотовъ, оба моря раздѣлились и начали усыхать. Берега ихъ выглянули на поверхность, а волны постепенно отлагали на нихъ ту громадную массу песка, который теперь въ такомъ изобиліи находится въ Азіи. Если мы представимъ себѣ, что осушеніе шло отъ востока къ западу, то само собою разумѣется, что чѣмъ восточнѣе будемъ брать для изслѣдованія полосу осѣвшихъ песковъ, тѣмъ они будутъ старѣе по отношенію къ лежащимъ болѣе къ западу.

Эти взрослые пески будутъ содержать въ себѣ все меньше и меньше морскихъ солей; они становятся болѣе пригодными для появленія на нихъ растеній, они болѣе выщелочены. Если при этомъ вспомнимъ, что подпочвенный водоупорный пластъ находится недалеко отъ поверхности земли, то получаютъ всѣ данныя для того, чтобы поверхность покрылась своеобразной растительностью — флорою бугристыхъ песковъ, какъ ее называлъ Борщовъ.

Не то на западѣ. Здѣсь пески молоды, солены. Растеній нѣтъ, подпочвенный пластъ уходитъ глубоко, стало быть нѣтъ возможности укрѣпить эти передвижныя сухія волны, нѣтъ возможности человѣку бороться съ природой.

Понятно, что прежніе путешественники, пробираясь по почтовому тракту, приходили въ полнѣйшее отчаяніе. Въ ихъ памяти на-долго, пожалуй на-всегда, врѣзывалось представленіе о грозныхъ барханахъ, о томительно долгомъ передвиженіи, о комфортабельномъ помѣщеніи въ развалившейся станціи, гдѣ приходилось чуть не по недѣлѣ ждать очереди и прислушиваться къ вою вѣтра. Каждому думалось, что если на окраинахъ Кара-Кумы такъ грозны, то само собою разумѣется въ центральной своей части они должны быть еще грознѣй. Опровергнуть это мнѣніе не было основаній, такъ какъ никто изъ европейцевъ никогда не углублялся въ эту непривѣтливую страну и не рѣшался попробовать счастья.

На дѣлѣ оказалось совсѣмъ наоборотъ.

...Цѣлый день мы ѣхали совершенно скрѣпленными песками. Небольшія рощицы тальника, покрытаго уже покраснѣвшею листвою, то и дѣло попадались по дорогѣ. Въ долинахъ, по берегамъ какой-нибудь промоины, тянулись заросли свѣжаго, сочнаго камыша. Эти узкія зеленныя полосы расширились иногда въ настоящіе луга и охватывали большіе и маленькіе солончаки съ кроваво-красными берегами. Только вида своими глазами эту массу травы, становилось вѣроятнымъ, что почтовый трактъ обязанъ своимъ существованіемъ именно этой безплодной пустынѣ.

Иногда на бугрѣ чернѣлась могила киргиза. Но это была не мазарка, подобная той, которую мы разсматривали на первомъ переходѣ

отъ Кара-Кудука, а самое простое сооруженіе, имѣющее цѣлью указать на мѣсто погребенія простого смертнаго. Средства покойнаго не позволяли ему воздвигнуть даже скромнаго зданія, на стѣнахъ котораго можно бы было по рисункамъ судить о его богатствахъ, о его подвигахъ и путешествіяхъ. Невысокія темныя стѣны образовали четырехугольникъ. По угламъ возвышались какъ бы зачатки небольшихъ башенокъ. Каждая стѣна въ отдѣльности строилась такимъ образомъ, что на слой глины клался слой сухого камыша или стебли другихъ какихъ-нибудь растений, затѣмъ слѣдоваль опять слой глины и потомъ опять камышъ, и т. д. Внутри четырехъ-угольника, кромѣ засохшихъ прошлогоднихъ травъ, я ничего не видѣлъ. Правда, попадались тамъ кости и черена какихъ-то животныхъ: но занесены ли были они туда случайно, или же ихъ можно разсматривать какъ остатки похоронной тризны—рѣшать не берусь.

Иногда изъ за бархана виднѣлся столбъ дыма. Тамъ стоятъ нѣсколько кибитокъ. Кругомъ пасутся лошади и овцы, важно расхаживаютъ верблюды и съ любопытствомъ поглядываютъ на насъ. Нѣсколько голыхъ дѣтей испуганно бѣгутъ во свояси и прячутся куда попало. Двѣ—три женщины съ бѣлыми, высокими повязками на головахъ робко выглядываютъ изъ полуоущеннаго войлока, закрывающаго входъ въ кибитку. Собаки съ громкимъ лаемъ летятъ къ намъ на встрѣчу.

Надъ головой проносятся то и дѣло стаи куропатокъ. Вотъ онѣ опустились недалеко, какъ разъ за тѣмъ бугромъ. Изъ каравана отдѣляется ординарецъ Махинъ и съ ружьемъ на перевѣсъ скачетъ туда. Онъ слѣзъ съ лошади, припалъ къ землѣ, ползетъ... Стволъ блеснулъ на солнцѣ. Прошла минута томительнаго ожиданія. Вдругъ бѣлый клубокъ дыма точно выросъ изъ земли, что-то стукнуло... Куропатки поднялись.

— Эхъ, не попалъ!.. пропуделятъ!.. заявляетъ одинъ казакъ.

Но изъ летящей стаи одна птица начинаетъ отставать. Она усиленно работаетъ крыльями, и между тѣмъ опускается все ниже и ниже, и наконецъ, какъ камень падаетъ на землю.

Махинъ скачетъ за добычей. За нимъ ринулся и казакъ, сожалѣвшій о промахѣ.

Выбрались на ровную мѣстность. Какъ будто и конца нѣтъ этой плоскости. Вдали несется облачко пыли. Въ немъ, въ этомъ облачкѣ, замѣчается что-то рыжеватое, круглое, точно шарикъ.

— Что это? спрашиваю я переводчика.

— Сайгакъ... вишь какъ жарить, и догнать-то его трудно. Смотри-ка, смотри!

Облачко остановилось, разсѣялось; можно различить животное. Оно вѣроятно утомилось и съ недоумѣніемъ и ужасомъ смотритъ на эту шумную массу людей. Мы продолжаемъ двигаться. Сайгакъ сдѣлалъ прыжокъ, которымъ онъ обыкновенно начинаетъ свой бѣгъ, и покатилъ дальше.

А отъ безоблачнаго неба опять пышетъ жаромъ. Просто не вѣрится тому, что во время почевки было такъ холодно, что принуждены были цѣлую ночь поддерживать огонь въ кибиткѣ. Когда съ восходомъ солнца, мы, закутанные въ шубы, сѣли на лошадей, песокъ былъ влаженъ отъ легкаго морозца и бѣлый иней лежалъ въ ложинахъ. И послѣ такого утра опять такая жара.

Я оглянулся назадъ. Что за чудо? У подножія цѣли бархановъ, которые мы проѣхали съ полчаса тому назадъ, блеститъ озеро. Голубая поверхность его углубляется между высокими песчаными буграми и отражаетъ въ себѣ каждый предметъ съ необыкновенною отчетливостью. И въ немъ, въ этомъ озерѣ, тоже виднѣются барханы и темные и свѣтлые, только все это обращено внизъ верхушкою. Направо водяная гладь слилась съ синевой горизонта и кажется, будто узкій осколокъ неба возлизался въ землю.

Я былъ пораженъ.

— Какое это озеро? спросилъ я вожака. Вѣдь мы не проѣзжали мимо него?

— Озеро? гдѣ озеро?

И киргизъ съ удивленіемъ оглянулся, по моему указанію.

— А вонъ, видишь? около бархановъ.

Вожакъ усмѣхнулся и поѣхалъ дальше.

— Никакого озера нѣтъ, пробормоталъ онъ. Это у тебя только въ глазахъ. Воды нигдѣ до самой Дарьи не увидишь. Одни кудуки есть, а озера нѣтъ.

Я опять посмотрѣлъ назадъ. Озеро стоитъ себѣ на томъ же мѣстѣ.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ это только кажется, подумалъ я и пригнулся къ сѣдлу.

Все вдругъ пропало, исчезло. Я приподнялся—и снова громадный бассейнъ разлился передъ глазами, даже еще больше мѣста захватилъ онъ подъ себя.

Это былъ миражъ.

Послѣдній ночлегъ въ Кара-Кумахъ. Завтра должны добраться до Сыръ-Дарьи.

Кибитки поставлены опять довольно удачно. Кругомъ висятъ неподвижные барханы, поросшіе джугзенами. Колодцы наполнены свѣжею, чистою водою. Не успѣли остановиться, какъ явился какой-то киргизскій старшина въ необыкновенно обширномъ пестромъ халатѣ и необыкновенно уродливой шапкѣ, по формѣ напоминающей собою китайскую башню. На груди виднѣлась громадная золотая медаль, повѣшенная на длинной красной лентѣ. Лошадь его была также убрана со всею роскошью востока: сбруя, сѣдло, чепракъ — такъ и переливали пестрыми шелками, блестками, золотомъ и серебромъ. Въ его свитѣ находилось еще одно должностное лицо крошечнаго роста въ татарской тебетейкѣ и полуказачьемъ мундирѣ. Черезъ плечо у него

была привѣшена длиннѣйшая сабля, на шеѣ блестя тоже медаль. Этотъ человѣкъ ужасно трусилъ передъ нашимъ начальникомъ и когда тотъ обращался къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ, вытягивался во весь свой маленькій ростъ и, заикаясь, величалъ его всѣми извѣстными ему титулами: то назоветъ „Ваше Превосходительство“, то „Ваше Высокородіе“, то „Ваше Царское Благородіе“ и т. д.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, началось угощеніе. Конечно, прежде всего мы набросились на чудный кумысъ, о которомъ у насъ въ Казани и Самарѣ не имѣютъ никакого понятія. Затѣмъ не оставленъ былъ безъ вниманія айранъ, т. е. баранье кислое молоко, разбавленное водою.

Но вотъ и обѣдъ. Нѣсколько человѣкъ одинъ за другимъ, несутъ сначала шурпу — бараній супъ, вѣчто ужасное, мутное, холодное, жирное и безъ соли. Потомъ такая же вереница людей явились съ кавардакомъ или жареной бараниной, разрѣзанной на кусочки. Ожидали плова, но почему-то не дождались.

Въ заключеніе происходила бесѣда съ киргизами черезъ переводчика и когда все это кончилось, всѣ вздохнули свободно, точно пудовикъ свалился съ плечъ.

Между тѣмъ начало темнѣть. Зажгли опять костры. Нѣкоторые изъ насъ отправились погулять по „табору“.

Изъ крайней кибитки слышится пѣніе и звуки какого-то инструмента. Идемъ туда. Войлочные стѣнки подняты и черезъ рѣшетку видна группа. Въ срединѣ разложенъ огонь. На угольяхъ стоятъ мѣдные, дымящіеся чайники; нѣсколько казаковъ, въ томъ числѣ и Махинъ полулежатъ на кошмахъ и слушаютъ. Тутъ же поджавши, по восточному, ноги, помѣщается стройный молодой киргизъ. Онъ перебираетъ пальцами по струнамъ самодѣльной гитары или, скорѣе, балалайки и во всю грудь выкрикиваетъ быстрые речитативы. Каждый куплетъ начинается необыкновенно высокой, сильной и длинной нотой. Отъ этого лицо пѣвца дѣлается багровымъ, жилы на шеѣ вздуваются; ожидаешь, что вотъ вотъ оборвется голосъ, „перехватить“ горло. Но тутъ-то было — сильная грудь степняка вынесетъ и не такія усилія. Иногда киргизъ самъ улыбается своей пѣснѣ, видимо довольный словами.

— И чего смѣется? каждый разъ заявлялъ презрительно Махинъ, обращаясь къ переводчику, прикурнувшему въ тѣни, въ самой глубинѣ кибитки.

— Про любовь поетъ.

— Про любовь? вишь вѣдь азіятъ, а все же любить долженъ.

— А какъ эта пѣсня прозывается? въ свою очередь спрашиваетъ молодой казакъ съ глуповатымъ лицомъ.

— Никакъ не называется, продолжаетъ пояснять переводчикъ. Это онъ вѣдь свою жизнь воспѣваетъ. Что въ голову взбредеть, то и поетъ.

Послушавши импровизатора, мы направились къ своей кибиткѣ. Въ тарантасахъ уже спали. Изъ-подъ фартука одного выглядывали подошвы громадныхъ сапоговъ, изъ другого торчалъ уголь подушки, въ ситцевой наволочкѣ. Кто-то храпѣлъ чуть не на всю степь...

Изъ-за бархана виднѣлось красное зарево — то всходила луна. Летучая мышь повертѣлась надъ нашими головами и юркнула въ сторону.

Изъ нашей кибитки доносились звуки романса. Приятный баритонъ съ чувствомъ пѣлъ:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Нѣсколько голосовъ пробовало подтягивать. Долго слушали мы пѣніе. Минорный мотивъ будилъ воспоминанія. Непрошенная грусть щипнула за сердце.

— Пора спать, заявилъ кто-то изъ моихъ товарищей.

Всѣ направились во-свои. Только мнѣ хотѣлось побыть еще на воздухѣ, точно мало было цѣлыхъ недѣль, проведенныхъ въ степи. Но вечеръ былъ такой чудный, тихій. Луна уже взошла и какой-то холодный голубоватый свѣтъ, разлитый повсюду, придавалъ необыкновенную прелесть всему ландшафту. Длинные тѣни бархановъ ложились одна на другую, небольшіе кусты, растущіе въ ложинахъ, превращались въ деревья огромныхъ размѣровъ. Неподвижно лежали верблюды, пофыркивали пасущіяся лошади, потрескивали догоравшіе костры и надъ всѣмъ этимъ темный, почти черный, сводъ неба, усыянный блестящими звѣздами.

Я повернулъ тоже къ кибиткѣ. Изъ нея слышалось:

И съ тѣхъ поръ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Никогда не подымалъ.

— Лучше другую спойте, повеселѣе, пристаеетъ басъ.

— Извольте, и баритонъ запѣлъ:

Меня къ вашимъ глазкамъ давно привлекло,
И въ глазкахъ моя вся отрада,
Взгрустнется ль, и взглянешь — и все отлегло
Какъ будто въ нихъ все, что мнѣ надо.

Второй куплетъ запѣли уже всѣ вмѣстѣ. Примкнувшій басъ рывнулъ не въ тонъ; общій хохотъ прервалъ пѣніе.

— Въ Кара-Кумахъ русскіе романы поются! подумалъ я и вошелъ въ ярко освѣщенную кибитку.

Холодный и порывистый вѣтеръ пронизывалъ насъ насквозь и заставлялъ потеплѣе кутаться въ шубы. Вдали темной полоской тянулась какая-то возвышенность, а какъ доберемся до нея, то увидимъ Сырь-Дарью. Съ напряженнымъ вниманіемъ смотримъ мы на эту полосу; время ожиданія кажется намъ безконечнымъ, а бодрый шагъ нашихъ киргизскихъ лошадей представляется необыкновенно медленнымъ. На вожака уже никто не обращаетъ вниманія — всѣ бѣгутъ впереди его, благо сбиться съ пути уже нѣтъ возможности.

А между тѣмъ кругомъ насъ происходитъ довольно интересное явленіе природы. Дѣло въ томъ, что мы выбрались на глинисто-солонцеватую площадь. Изъ трещины земли торчатъ сухіе пучки прошлогодней травы, грустные остатки кое-какихъ кустиковъ... Вѣтромъ несутъ съ ближнихъ бархановъ песокъ. Съ сухимъ звономъ летятъ песчинки, скользя по поверхности почвы, прыгаютъ, взвиваются на небольшую высоту, снова падаютъ и все дальше и дальше мчатся отъ родныхъ мѣстъ. Но вотъ на пути попадаются трава, камень или какой-нибудь другой предметъ. Песчинки задерживаются, предметъ все больше и больше засыпается. Новый порывъ вѣтра подгоняетъ еще цѣлую армію песчинокъ и мало по малу растетъ холмикъ. Ростъ его продолжается годами и едва замѣтное возвышеніе превращается въ настоящій барханъ.

На той ровной площади, по которой мы ѣхали, можно было прослѣдить весь постепенный ходъ развитія песчаныхъ бугровъ. Тамъ виднѣлось еле замѣтное возвышеніе, въ другомъ мѣстѣ оно уже выросло въ довольно замѣтный холмикъ, въ третьемъ онъ достигъ весьма солидныхъ размѣровъ, изъ верхушки торчитъ засохшая вѣтка уродливаго саксауловаго дерева. Сторона бархана, обращенная къ вѣтру, крута и почти отвѣсно опускается къ основанію, противоположная же постепенно сливается съ почвою и какъ бы ступеньвается.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько молодыхъ барханчиковъ соединились въ ряды и образуютъ пока миниатюрную гряду песчаныхъ бугровъ. Все это представляло весьма поучительную картину.

Тѣмъ временемъ мы подвигаемся все-таки впередъ. Вдругъ на горизонтѣ что-то блеснуло. Это вода, это Сырь-Дарья. Всѣ встрепенулись, ожили.

— Наконецъ-то можно будетъ умыться, привести себя, такъ сказать, въ порядокъ, думалось мнѣ, да вѣроятно и каждому. А тамъ и обратный путь въ тарантасахъ, на почтовыхъ. Какое наслажденіе. Невольно горячишь лошадь; она ускоряетъ шагъ; нѣсколько чело-вѣкъ не выдержало и пустились рысью. Пыль поднялась столбомъ и быстро сносится вѣтромъ въ сторону. Передній всадникъ поскакалъ, за нимъ ринулись всѣ...

Съ высокаго бархана стало наконецъ видно на далекое разстояніе. Налѣво, на такомъ же бугрѣ, въ верстѣ отъ насъ, громоздились

какія-то зданія, бѣлыя, сѣрыя, темныя... Одни были высоки, другія низки, торчали бѣлыя колонны.

— Ужъ не Кара-Тугай-ли это? спросилъ я скакавшаго подлѣ киргиза.

— Нѣтъ, Кара-Тугай — вонъ видишь? и онъ указалъ на едва замѣтное маленькое строеніе, чернѣющее какъ разъ на берегу Сыра.

— А это что-жь?

— Мазарки.

Подѣхали. Дѣйствительно, цѣлый городъ, состоящій изъ мазарокъ, самой разнообразной величины, выстроенъ былъ довольно живописно. Это былъ городъ мертвыхъ.

Свернули вправо. Выбрались на почтовую дорогу, настоящую почтовую дорогу съ выбоинами и колеями, которую мы такъ давно не видали; она идетъ какъ разъ по крутому берегу широкой Сыр-Дарьи, которая съ глухимъ шумомъ катитъ свои желтыя, мутныя волны. Еще полчаса и мы подскакали къ одиноко стоящей глиняной станціи. Покосившійся полосатый столбъ съ разбитымъ фонаремъ напоминалъ о Европѣ. Надъ входной дверью висѣла доска съ надписью „Кара-Тугай“ и съ обозначеніемъ числа верстъ до ближайшихъ станцій.

Когда мы вошли въ маленькую комнатку „для проѣзжающихъ“, когда почувствовали надъ своей головой кровлю, и когда наконецъ могли укрыться отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, насъ охватилъ восторгъ неописанный. Всѣ лишенія, усталость—все было забыто. На столѣ запыхтѣлъ самоваръ, появился горячій супъ изъ курицы, а потомъ, снова мы услышали и „бѣднаго рыцаря“ и „глазки“.

Обратный путь въ Россію, чрезъ Казалинскъ съ высокими пирамидальными тополями и фортомъ Аральской флотиліи, черезъ Иргизъ, съ пустынными улицами, кажется всякому необыкновенно длиннымъ. Начиная отъ Казалы тащившія большею частью на верблюдахъ, тою окраиной Кара-Куловъ, съ которой мы уже отчасти знакомы. Станціи въ ужасномъ видѣ. Всѣ эти „Сопакъ“, „Акъ-Джулпасъ“, „Алты-Кудукъ“ и прочіе представляются чуть не совсѣмъ засыпанными песками.

Заливъ Аральскаго моря Сары-Чеганакъ имѣетъ самый непривѣтливый видъ. Тихо набѣгаютъ волны на плоскіе, безжизненные берега, оставляютъ большой осадокъ соли, выбрасываютъ невзрачныя водоросли, мелкіе раковины,—а кругомъ поднимаются и громоздятся другъ на друга сыпучіе барханы.

На станціяхъ, если подорожная не по казенной надобности, можно умереть съ голоду. Нѣкоторымъ несчастнымъ приходится иногда сидѣть по двѣ недѣли, истративъ весь свой запасъ и не зная, когда придется ѣхать дальше. Главная причина этихъ бѣдствій заключается

въ томъ, что на тракть до Терекли держать только четыре тройки лошадей. Почта въ нѣсколько повозокъ идетъ чуть не каждый день. Само собою разумѣется, что прежде всего удовлетворяютъ почту, а потомъ уже, если счастье выпадетъ, дадутъ и проѣзжающему измученныхъ, еле живыхъ лошадей. Хорошо еще, что въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизы держатъ верблюдовъ, и слѣдовательно есть возможность выбраться изъ песчаного моря. Иначе хоть пропадай. Раздраженные пассажиры вымещаютъ свою злобу на несчастныхъ станціонныхъ смотрителяхъ, почему всѣ жалобныя книги наполнены самыми невообразимыми обвиненіями. Читать и просматривать эти заселенныя и припечатанныя на длинномъ свуркѣ, манускрипты доставляетъ все-таки нѣкоторое развлеченіе, когда приходится ждать по нѣскольку часовъ, пока выкормятся лошади.

Кромѣ того, въ часы томительнаго ожиданія, злополучные путешественники развлекаются тѣмъ, что расписываютъ стѣны комнатъ различными восклицаніями, замѣчаніями, или же прямо царапаютъ ножичкомъ, „такого-то числа, мѣсяца и года, такой-то проѣзжалъ и ждалъ столько-то часовъ“. Конечно, на концѣ ставится громадный восклицательный знакъ.

Медленное движеніе продолжается до Терекли. Съ этой станціи начинается тракть другого почти содержателя, лошадей больше, да и песковъ меньше. Везти превосходно, и не увидишь какъ долетишь до Орска. Маленькій городокъ съ бѣлою церковью и высокой пожарной каланчей виденъ еще издалека, когда подъѣзжаешь изъ степи. И какъ пріятно вообразить, что добрался наконецъ до Россіи, что здѣсь протекаетъ Уралъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи. А вѣтеръ гонитъ сѣрыя низкія тучи, дождь стучитъ по крышкѣ тарантаса. Безотрадная осенняя картина разворачивается направо и налево. Вездѣ желтая степь, вездѣ пусто. Большіе и маленькіе кусты перекаати-поле несутся мимо васъ въ какой-то бѣшеной пляскѣ. Точно они стараются обогнать другъ друга, точно изошряются въ томъ, чтобы подпрыгнуть повыше... Изрѣдко попадаетъ на встрѣчу киргизъ верхомъ на верблюдѣ, да нагруженный тарантасъ, отправляющійся въ Ташкентъ. А дождь все стучитъ, дорога дѣлается тяжелѣе.

Но вотъ и Орскъ. Здѣсь уже начинается линія телеграфа и сознание того, что я могу, въ случаѣ чего, дать знать о себѣ куда слѣдуетъ, дѣйствуетъ весьма успокоительно и чувствуешь себя почти дома.

Отъ Орска везутъ уральцы. Живописныя Губерлинскія горы, большія станицы, съ цѣлой толпой казачекъ, продающихъ пуховыя платки,—все это быстро мелькаетъ передъ вами. Вотъ вдали сверкнули кресты оренбургскихъ церквей. Зарождающійся изъ пепла городъ производитъ грустное впечатлѣніе. Вездѣ видны обгорѣлые остовы печей, кучи мусора и угольевъ. Но рѣзкій свистъ поѣзда желѣзной дороги заставляетъ на нѣкоторое время забыть горе близкихъ и по-

думать о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ я буду катить по рельсамъ, сидя на мягкихъ и упругихъ подушкахъ вагона.

А тамъ пройдетъ ночь, и въ 10 часовъ утра, точно какимъ-то чудомъ очутишься въ скучной Самарѣ, съ ея невылазною грязью и тоскливымъ Струковскимъ садомъ. Но все имѣетъ свой конецъ. Вы садитесь на пароходъ, отчаливаете. Колеса шумятъ, свѣжій вѣтеръ дуетъ въ лицо, широкая Волга величественно течетъ изъ Жигулевскихъ воротъ. Самара пропадаетъ въ туманѣ; только дачи Анаева краснѣютъ на высокомъ берегу. Слава Богу не далеко и до дома!

Н. Сорокинъ.

Казань.

24-го января 1880 г.

